

Всеобъемлющее стратегическое партнёрство РФ и Социалистической Республики Вьетнам: взгляд из России

Евгений Александрович Канаев,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва.

E-mail: e.a.kanaev@gmail.com

Статья нацелена на выявление особенностей современных отношений РФ и Социалистической Республики Вьетнам (СРВ), кодифицированных в термине «всеобъемлющее стратегическое партнёрство». Научный вклад автора заключается в определении степени правомерности такой кодификации сквозь призму теоретических и практических вопросов сотрудничества в его российско-вьетнамской специфике. Раскрыты возможности координации перспективных планов России и Вьетнама применительно к мегапроектам «Большое евразийское партнёрство» и «Индо-Тихоокеанский регион». Автор обосновывает, почему приоритеты России и Вьетнама применительно к этим проектам находятся в состоянии раскоординации, а дальнейшее развитие Большой Евразии и ИТР может усугубить существующие разногласия. Даётся оценка состоянию и перспективам российско-вьетнамского экономического сотрудничества, выявляются основные факторы несоответствия полученных результатов статусу отношений. Особое внимание уделено готовности российского бизнеса расширять свою деятельность во Вьетнаме с опорой на механизмы соглашения о свободной торговле между СРВ и ЕАЭС, определены наиболее важные стратегические направления и тактические меры, способные вывести российско-вьетнамскую торговлю на траекторию устойчивого роста. Вывод автора заключается в том, что использование термина «всеобъемлющее стратегическое партнёрство» не столько способствует развитию сотрудничества между РФ и СРВ на основе компетентного и нюансированного подхода к его возможностям и ограничителям, сколько дезориентирует Москву и Ханой, не позволяя им дать адекватную оценку приоритетов друг друга и реального, а не декларативного потенциала имеющихся в их распоряжении ресурсов сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Вьетнам, всеобъемлющее стратегическое партнёрство, Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион, экономическое сотрудничество.

Comprehensive Strategic Partnership between the RF and the SRV: a View from Russia.
Evgeny Kanaev, Center for Asia-Pacific Studies, IMEMO RAS, Moscow, Russia.
E-mail: e.a.kanaev@gmail.com.

The paper aims at distinguishing the specificity of the current Russian-Vietnamese relationship codified as the “comprehensive strategic partnership”. The academic novelty of the paper accounts for specifying the degree of this codification through the prism of theoretical and practical issues of cooperation between Russia and Vietnam stemming from its specificity. Russia’s and Vietnam’s possibilities to coordinate prospective planning with relevance to the *mega-projects the Greater Eurasian Partnership and the Indo-Pacific Region* are defined. The author uncovers the reasons why the priorities of Russia and Vietnam concerning these projects are drifting apart and why this may intensify in the future. The state and prospects of economic cooperation between Russia and Vietnam are assessed, the key factors behind the lack of congruence between the status of relationship and the obtained results are considered. Special attention is paid to the readiness of Russian business to operate in Vietnam with the support of mechanisms of the EAEU-SRV Free Trade Agreement. The key strategic directions and tactical measures for making the growth of the Russian-Vietnamese trade sustainable are distinguished. The author argues that the term “comprehensive strategic partnership” impedes rather than contributes to the development of the Russia-Vietnam relationship based upon a competent and nuanced approach to its possibilities and limitations. Furthermore, it misinforms Moscow and Hanoi disabling them to make a proper assessment of each other’s priorities and of the real rather than declaratory potential of the resources in their disposal.

Keywords: Russia, Vietnam, Comprehensive Strategic Partnership, the Greater Eurasia, the Indo-Pacific Region, economic cooperation.

Заключение стратегических партнёрств в той или иной форме стало новой нормой современной международной политики. Россия имеет отношения такого статуса со многими странами, в числе которых Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ). В 2001 г. российско-вьетнамские отношения были повышены до уровня стратегического партнёрства, а в 2012 г. — всеобъемлющего стратегического партнёрства.

Если судить по названию, такие отношения должны иметь некие уникальные характеристики, когда партнёры ставят общие стратегические цели и достигают их совместными усилиями на основе комплексного, т.е. всеобъемлющего, подхода. Подтверждает ли это практика российско-вьетнамского сотрудничества и почему это важно выяснить?

ТЕРМИН С НЕЯСНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ

Раскрывая содержание всеобъемлющего стратегического партнёрства как основы российско-вьетнамских отношений, остановимся на следующих моментах.

Во-первых, стороны не были готовы к выводу отношений на уровень сотрудничества, обозначенного таким термином. Если в эпоху биполярного мира отношения Москвы и Ханоя развивались в контексте советского

геополитического проекта с присущим ему размахом, то в 1990-е гг. диалог был свёрнут до уровня минимальной достаточности. В то время Россия стремилась войти в «семью демократических держав», а Вьетнам искал возможности расширить участие в международной жизни АТР. В этих условиях основным приоритетом Москвы и Ханоя стало сохранение факторов, обеспечивавших позитивную инерцию отношений в предшествовавший период. Стороны обновили нормативную базу сотрудничества, заключив Договор об основе дружественных отношений (1994 г.) и подписав Совместное российско-вьетнамское заявление (1998 г.), а также урегулировали проблему вьетнамского долга перед РФ (2000 г.).

Хотя оснований вывести качество отношений на новый уровень было объективно немного, в марте 2001 г. Москва и Ханой подписали Совместное заявление о стратегическом партнёрстве, в котором была зафиксирована готовность сторон нарастить масштабы сотрудничества и диверсифицировать его направления [4]. Однако эти заявления не были подкреплены практикой. По итогам 2000 г. российско-вьетнамская торговля составила лишь 362,2 млн долл., значительно уступая таким партнёрам СРВ, как США, Япония и Китай [17]. В следующем году была закрыта российская военноморская база Камрань. На многостороннем треке инициатива Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ), к участию в которой Россия объективно не готова, была выдвинута в год вьетнамского председательства в АТЭС, а несколько позднее СРВ присоединилась к переговорам о Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП). И хотя в 2009 г. Москва и Ханой заключили контракт на поставку российского вооружения и военной техники на 5,5 млрд долл., а в 2010 г. при председательстве Вьетнама в АСЕАН участники Восточноазиатского саммита достигли договорённости о принятии России, ощущение, что приоритеты Москвы и Ханоя всё больше расходятся, никуда не делось.

Во-вторых, понятие «всеобъемлющее стратегическое партнёрство» как основа современных российско-вьетнамских отношений слабо проработано с концептуально-теоретической точки зрения. В Совместном российско-вьетнамском заявлении, определившем новый статус отношений, содержатся общие декларации [10], эксперты лишь начинают осмысление этого понятия. Можно согласиться с мнением Ю.Г. Жегловой о размытости содержания термина и ситуативности его применения во внешнеполитической практике как сложившейся норме [6].

По совокупности рассмотренных выше факторов можно утверждать: Россия и Вьетнам установили отношения всеобъемлющего стратегического партнёрства не по принципу «у нашего сотрудничества есть уникальные черты», а следуя политической моде начала XXI в., когда подобный тип сотрудничества (в той или иной форме и модификации) устанавливался буквально со всеми странами. Помня, что Вьетнам имеет отношения стратегического партнёрства также с Италией и Испанией, можем усомниться, что такая форма международного сотрудничества позволяет СРВ решать стратегические вопросы своего развития. В свою очередь, из стран АСЕАН Россия развивает стратегическое партнёрство с Лаосом,

но не с Сингапуром, который рассматривается российским бизнесом как «точка входа» на рынки экономического сообщества АСЕАН.

Наличие в отношениях России и Вьетнама всеобъемлющего стратегического партнёрства наталкивает на ряд концептуальных по своему характеру вопросов. По какой проблеме, имеющей стратегическое значение для обеих стран, Москва и Ханой достигли всеобъемлющего, т.е. комплексного, урегулирования? Чем российско-вьетнамское всеобъемлющее стратегическое партнёрство отличается от российско-индийского особо привилегированного стратегического партнёрства или российско-китайского всеобъемлющего равноправного доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия? В чём состоит принципиальное отличие стратегического партнёрства России и Вьетнама образца 2001 г. от всеобъемлющего стратегического партнёрства, оформленного в 2012 г., и от обычных дружественных отношений между двумя странами?

В-третьих, Москва и Ханой не готовы компенсировать отсутствие концептуальной ясности с содержанием своего всеобъемлющего стратегического партнёрства практикой конкретных дел уже после установления этого формата. Показательными в этой связи стали события осени 2016 г. Россия и Китай провели военные манёвры в Южно-Китайском море, что вкупе с российской поддержкой китайской позиции по решению Постоянной палаты третейского суда по проблеме Южно-Китайского моря не могло вызвать у Вьетнама прилива оптимизма. Ханой в долгу не остался, отменив строительство АЭС Ниньтхуан-1 (хотя нельзя не отметить крайне неудачное стечение обстоятельств, подтолкнувших вьетнамское руководство к такому решению [12]).

Суммируя изложенное выше, правомерно заключить: кодификация отношений в терминах всеобъемлющего стратегического партнёрства вводит Москву и Ханой в заблуждение относительно реального состояния отношений, компенсируя не слишком убедительные результаты эффектной фигурой речи.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ГЕОПОЛИТИКИ

Современные отношения России и Вьетнама стоят перед новыми вызовами. Они формируются как международным контекстом, так и раскоординацией интересов Москвы и Ханоя.

Особенностью современной международной политики в АТР является реализация конкурирующих мегапроектов: «Большого евразийского партнёрства» (или Большой Евразии) и «Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР). Большая Евразия, развиваемая Россией, предполагает формирование плацдарма для сотрудничества и безопасности на трансконтинентальном пространстве; одну из основных ролей здесь будет играть сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) как составляющей Инициативы пояса и пути (ИПП) [7; 8, с. 129—143].

Последнее вызывает у вьетнамского руководства двойственные чувства. С одной стороны, ИПП выгодна Вьетнаму, получающему китайские инвестиции в свою инфраструктуру. После обретения статуса страны со средним уровнем дохода (middle-income country status) в 2009 г. СРВ столкнулась с сокращением поступления официальной помощи развитию (ОПР). Реализация инфраструктурных проектов посредством механизмов государственно-частного партнёрства в условиях несовершенства правовых институтов и бюджетных ограничений застопорилась. Однако необходимость в инфраструктуре нарастает — по экспертным оценкам, с 2016 по 2040 г. Вьетнаму потребуется 605 млрд долл., из которых на электроэнергетику и транспорт придётся 43,8% и 22,1% соответственно [14].

Осознавая такую перспективу, вьетнамское руководство не упускает случая выразить поддержку ИПП. Выступая на Форуме пояса и пути в мае 2017 г., президент СРВ Чан Дай Куанг высоко оценил значимость усилий КНР по укреплению взаимосвязанности ЮВА [2]. В ходе визита Си Цзиньпина в Ханой в ноябре 2017 г. КНР и СРВ подписали Меморандум о взаимопонимании по сопряжению проекта «Два коридора, один пояс», нацеленного на строительство трансграничной инфраструктуры между северными провинциями СРВ и китайскими провинциями Юннань и Гуанси, и ИПП [14].

Впрочем, ожидая китайские инвестиции, СРВ не склонна рассматривать КНР как безальтернативного партнёра. По оценкам вьетнамских специалистов, китайские кредиты отнюдь не дешёвы, а покупка китайских технологий и оборудования и привлечение китайской рабочей силы как условие их получения не во всём отвечает интересам СРВ. Отсюда — нацеленность Вьетнама на рассмотрение иных вариантов финансирования инфраструктурного строительства. В их числе — сотрудничество с международными финансовыми институтами, чьи условия не предполагают селективного использования оборудования, технологий и рабочей силы какой-либо страны. Не склонен отказываться Вьетнам и от японской ОПР: хотя Япония тоже настаивает на использовании её технических, технологических и кадровых возможностей, по качеству они на несколько порядков выше китайских.

Однако главным фактором, определяющим отношение Вьетнама к ИПП, остаются аспекты безопасности. Обеспокоенность руководства СРВ вызывает будущая эволюция проблемы Южно-Китайского моря. В Ханое хорошо помнят, что предложение Пекина о создании Зоны свободной торговли Китай—АСЕАН раскололо Ассоциацию и Парасельский архипелаг, в спор за который вовлечён Вьетнам, фактически выведен из правового поля урегулирования проблемы, определённого Декларацией поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 г. Сейчас Ханой увязывает проблему Южно-Китайского моря с перспективой формирования Пекином континентальной системы «общей безопасности» на основе ИПП. Привязывая к себе евразийские страны инфраструктурно, финансово, а главное — технологически, Китай создаёт условия для превращения Евразии — или как минимум её значительной части — в «сферу повышенной проницаемости» геополитических интересов Поднебесной. Зная своего северного соседа слишком хорошо, чтобы питать иллюзии в отношении его политики, СРВ понимает: место

АСЕАН в такой системе безопасности едва ли будет центральным и маловероятно, что интересы Вьетнама, укрепляющего свои позиции в АСЕАН, будут учитываться в той же степени, что и сейчас. В контексте этих установок Россия рассматривается как страна, прямо или косвенно содействующая реализации планов Китая.

Наряду с большим евразийским партнёрством Вьетнам вырабатывает подход к другому глобальному мегапроекту — «Индо-Тихоокеанскому региону» (ИТР) и «Четырёхстороннему оборонному формату» (ЧОФ) как его институциональной основе. Не вдаваясь в подробности генезиса этой инициативы и анализируя её с вьетнамского ракурса, подчеркнём: руководство Ханоя склонно рассматривать формирование ИТР и сотрудничество между участниками ЧОФ как одно из средств сдерживания Китая в Южно-Китайском море. Этот интерес подогревается вниманием руководства США к СРВ в контексте индо-тихоокеанского нарратива. Идея об ИТР была озвучена Д. Трампом на саммите АТЭС в Дананге, а Стратегия национальной безопасности США рассматривает отношения с Вьетнамом в контексте формирования Индо-Пасифики [16]. В январе 2018 г., во время визита в Ханой, Д. Мэттис охарактеризовал Вьетнам как «партнёра-единомышленника» (*like-minded partner*) [13], через два месяца после чего во Вьетнаме впервые после окончания Второго индокитайского конфликта появился авианосец ВМС США «Carl Vinson» [18]. Хотя в настоящее время в экспертном пространстве СРВ концептуализация ИТР только начинается, а на официальном уровне Ханой не озвучил свою позицию по этому мегапроекту, учитывая важность проблемы Южно-Китайского моря для Вьетнама, можно прогнозировать: антикитайский мотив как основа интереса Вьетнама к ИТР и ЧОФ будет иметь тенденцию к усилению.

Ханой приступил к зондажу реакции партнёров на позиционирование себя в качестве индо-тихоокеанской страны. По итогам визита Чан Дай Куанга в Индию в совместном заявлении лидеров двух государств была отмечена важность формирования «мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона, в котором сотрудничество осуществляется на основе уважения суверенитета и международного права, свободы судоходства и полётов и для которого характерно устойчивое развитие и свободный, честный и открытый режим торговых и инвестиционных обменов» [15]. Эти формулировки созвучны основным положениям документов, принятых участниками ЧОФ после встреч в ноябре 2017 и июне 2018 гг.

Интерес Ханоя к ИТР и ЧОФ едва ли отвечает потребностям российско-вьетнамского сотрудничества. ИТР предполагает сдерживание Китая на морских пространствах, что будет проецироваться на обстановку в Южно-Китайском море. Сотрудничество между Индией и Вьетнамом в этой акватории осуществляется давно, и его возможная активизация вызовет контрмеры Поднебесной. В их числе — втягивание РФ в новые российско-китайские манёвры в Южно-Китайском море, что будет означать отход РФ от нейтральной позиции в отношении этой проблемы. Развитие ИТР и активизация сотрудничества между участниками ЧОФ могут снизить значимость «АСЕАНОцентричной» системы многостороннего диалога в АТР

в приоритетах её участников. На интересах РФ, поддерживающей центральную роль АСЕАН в этой системе и осознающей, что именно благодаря усилиям Ассоциации переговоры проходят на нейтральной и инклюзивной основе (чего Россия лишена на евроатлантическом пространстве), такой сценарий скажется самым пагубным образом. Прямо или косвенно к этому сценарию приведут действия СРВ.

Таким образом, мегапроекты «Большая Евразия» и «ИТР» могут ещё больше размыть консолидирующую повестку в российско-вьетнамских отношениях. Принимая во внимание нацеленность как Китая, так и участников ЧОФ на развитие этих мегапроектов без учёта издержек, можно прогнозировать дальнейшее нарастание этой тенденции.

РЕАЛИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Несмотря на статус отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства, объёмы экономического сотрудничества России с Вьетнамом невысоки. Увеличившись с 2012 к 2017 г., по данным российской таможенной статистики, с 3,66 до 5,2 млрд долл., доля Вьетнама во внешней торговле РФ составила 0,43% и 0,90% соответственно [5]. Суммируя причины такой ситуации, выделим наиболее важные.

Во-первых, Россия не участвует в тех производственно-сбытовых цепочках добавленной стоимости, в которые вовлечён Вьетнам. Основные из таковых представлены производством автомобилей, электротехники и продовольствия, пошивом одежды, а также сферой туризма. Отсюда — нацеленность СРВ на развитие отношений прежде всего с теми партнёрами, которые разместили на её территории эти производства. Плюс ко всему, Россия не сохранила связи, прежде всего технологические, со многими вьетнамскими предприятиями, построенными при участии советских специалистов.

Во-вторых, сдерживающим фактором выступают антироссийские санкции. Будучи нацеленной на активизацию своего участия в международном разделении труда и оставаясь зависимой от международных финансовых институтов, СРВ предпочитает воздерживаться от сотрудничества с РФ в тех случаях, когда это чревато негативными последствиями.

Частный пример, иллюстрирующий такую ситуацию, — это сложности, с которыми столкнулась компания «Силовые машины» при строительстве ТЭС Лонг Фу-1. Будучи включённой в санкционный список SDN (Special Designed Nationals) Минфина США, компания не может получить выручку: банки-нерезиденты отказываются проводить транзакции, у вьетнамских банков нет опыта работы с подсанкционными компаниями, а заказчик — государственная PetroVietnam — не может изменить положения контракта [9]. Прогнозируя дальнейшее экономическое давление на Россию, можно предполагать негативный «отложенный эффект»: подобные ситуации в той или иной форме будут происходить систематически.

Наконец, в-третьих, российские компании не готовы работать на вьетнамском рынке с опорой на механизмы ЗСТ ЕАЭС—СРВ.

Подписанное в мае 2015 г. и вступившее в силу в октябре 2016 г. соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и СРВ предполагает устранение тарифных и нетарифных барьеров, развитие электронных торговых площадок, защиту прав на интеллектуальную собственность, сотрудничество в области государственных закупок, поддержку конкуренции и ряд прочих мер [11]. Либерализация инвестиционных обменов и торговли услугами охватывает СРВ и РФ, оставшиеся государства ЕАЭС присоединятся к сотрудничеству позднее. Учитывая, что по итогам 2017 г. товарооборот между ЕАЭС и СРВ вырос на 36,6% (с 4,34 до 5,93 млрд долл. [1]), первые результаты формирования ЗСТ можно оценить положительно.

Вместе с тем рост товарооборота в большей степени обусловлен фактором низкой базы сотрудничества, чем устранением торговых барьеров. Этот рост может достаточно быстро прийти до своего объективного предела: рынки сбыта основной продукции вьетнамского экспорта — а это сборка бытовой электроники и электротехники, швейные изделия, обувь — определяют ТНК, а основа российского экспорта — сырьевые товары — на длительные сроки контрактуется международными трейдерами. Ни Россия, ни Вьетнам не смогут перенаправить эти экспортные потоки на рынки друг друга административным решением, а рыночные механизмы сотрудничества на основе «интеграции снизу» не развиты. Согласно оценке торгового представителя РФ в СРВ в 2012—2016 гг. М.Ю. Голикова, с учётом высокой степени долларизации внешнеэкономической деятельности Вьетнама неблагоприятная рыночная конъюнктура или завершение реализации государственных контрактов приведёт к уменьшению масштабов российско-вьетнамской торговли [3, с. 21—23].

Для вывода сотрудничества с Вьетнамом на траекторию устойчивого роста России придётся действовать в условиях цейтнота, одновременно формировать собственные производственно-сбытовые цепочки с опорой на механизмы и институты ЗСТ ЕАЭС—АСЕАН и сопровождать это массовой маркетинговой кампанией. В числе актуальных вопросов — создание центров обслуживания поставляемой продукции, повышение возможностей логистики, развитие механизмов и площадок электронной торговли, продвижение брендов стран ЕАЭС на рынок СРВ и множество других. Однако даже при самом благоприятном стечении обстоятельств серьёзные прорывы в экономических обменах маловероятны, так как упущено слишком много времени.

ВЫВОДЫ

Одним из ключевых факторов успеха в развитии межгосударственных отношений является их верная кодификация. В случае с российско-вьетнамскими отношениями неверен базовый посыл, так как термин «всеобъемлющее стратегическое партнёрство», будучи привлекательным по форме, бессодержателен по существу.

Современная международная обстановка становится всё более конкурентной, подталкивая Россию и Вьетнам усилить практикоориентированную составляющую своей политики. В контексте такой постановки задачи термин «всеобъемлющее стратегическое партнёрство» не столько способствует её реализации, сколько дезориентирует Москву и Ханой, не позволяя им трезво оценить состояние и перспективы отношений.

В этой связи уместно напомнить, что в 2012 г. стратегическое партнёрство заключили Россия и Украина. Комментировать современное состояние этих отношений излишне. Выражая надежду, что подобного между Россией и Вьетнамом не произойдёт, всё же стоит отметить: такой итог в значительной степени обусловлен нацеленностью партнёров на браваурную, велеречивую риторику в ущерб адекватной оценке имеющихся ресурсов сотрудничества и практически ориентированным усилиям по решению реально существующих проблем.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Внешняя торговля ЕАЭС по странам. 15 апреля 2018. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2017/12_180/E201712_2_1.pdf (дата обращения: 25.10.2018).
2. Вьетнам и Китай содействуют сотрудничеству ради мира и развития. 19 мая 2017. URL: <https://vietnam.vnnet.vn/russian/вьетнам-и-китай-содействуют-сотрудничеству-ради-мира-и-развития/302934.html> (дата обращения: 25.10.2018).
3. Голиков М.Ю. Актуальные аспекты взаимной торговли России и Вьетнама // Доклады участников Круглого стола на тему «Отношения между Вьетнамом и Российской Федерацией: потенциал и проблемы развития» — к визиту в РФ Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга. 30 августа 2018. ИДВ РАН, 2018. 36 с. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/reports_20180830.pdf (дата обращения: 25.10.2018).
4. Декларация о стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам. 28 февраля 2001. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3283> (дата обращения: 25.10.2018).
5. Динамика торговли России с Вьетнамом в 2010—2017 годах. 14 марта 2018. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-03/dinamika-torgovli-rossii-s-vietnamom-v-2010-2017-godah/> (дата обращения: 25.10.2018).
6. Жеглова Ю.Г. Стратегическое партнёрство как формат межгосударственных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. Т. 7, № 3. С. 115—222.
7. Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии // Международная жизнь. 2017. № 5. С. 6—18.
8. Лузянин С.Г. Россия — Китай: формирование обновлённого мира / отв. ред. акад. В.С. Мясников, предисл. В.А. Никонова. М.: Весь Мир, 2018. 328 с.
9. «Силовые машины» из-за санкций столкнулись с проблемами при получении \$100 млн за ТЭС во Вьетнаме. 30 мая 2018. URL: <https://www.interfax.ru/business/614980> (дата обращения: 25.10.2018).

10. Совместное заявление об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам. 27 июля 2012. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1279> (дата обращения: 25.10.2018).
11. Соглашение о свободной торговле с Вьетнамом. 2015. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Соглашения-о-свободной-торговле-с-третьими-странами.aspx> (дата обращения: 25.10.2018).
12. Цветов А. Почему во Вьетнаме не будет российской АЭС / Московский центр Карнеги. 11 апреля 2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/68575> (дата обращения: 25.10.2018).
13. Ferdinando L. Mattis Calls U.S., Vietnam “Like-Minded Partners”. January 25, 2018. URL: <https://dod.defense.gov/News/Article/Article/1424401/> (дата обращения: 25.10.2018).
14. Нiep L.H. The Belt and Road Initiative in Vietnam: Challenges and Prospects // ISEAS Yusof Ishak Institute Perspective. March 29, 2018. № 18. URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2018_18@50.pdf (дата обращения: 25.10.2018).
15. India-Vietnam Joint Statement during State visit of President of Vietnam to India. March 03, 2018. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29535/> (дата обращения: 25.10.2018).
16. Trump Donald J. National Security Strategy of the United States of America. December 18, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 25.10.2018).
17. UN Comtrade Database. 2003. URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 25.10.2018).
18. US Aircraft Carrier Carl Vinson in Historic Vietnam Visit. March 5, 2018. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-43282558> (дата обращения: 25.10.2018).

REFERENCES

1. *Vnieshniaya trgovliya YEAES po stranam* [EAEU Foreign Trade: Countries]. April 15, 2018. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2017/12_180/E201712_2_1.pdf (accessed 25.10.2018). (In Russ.)
2. *Viyetnam i Kitai sodeystvuyut sotrudnichestvu radi mirai i razvitiya* [Vietnam and China Contribute to Cooperation for Peace and Development]. May 19, 2017. Available at: <https://vietnam.vnnet.vn/russian/вьетнам-и-китай-содействуют-сотрудничеству-ради-мира-и-развития/302934.html> (accessed 25.10.2018). (In Russ.)
3. Golikov M.Yu. Aktualniye aspekty vsaimnoyi trgovli Rossii i Vietnama [Actual Aspects of Russia-Vietnam Mutual Trade]. *Doclady uchastnikov Kruglogo stola na temu “Otnosheniya mezhdru Vietnamom i Rossiyskoyi Federatsiyeyi: potentsial i problemy rasvitiya” — k visitu v RF Generalinogo sekretarya TSK KPV Nguyen Fu Chonga* [Proceedings of the Participants of the Round-Table Discussion “Relationship between Vietnam and the Russian Federation: the Potential and the Problems of Development” Prior to the Visit of the General Secretary of the CPV Central Committee Nguen Phu Trong to the RF]. August 30, 2018. IDV RAN, 2018. 36 p. Available at: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/reports_20180830.pdf (accessed 25.10.2018). (In Russ.)
4. *Declaratsiya o strategicheskom partnerstve mezhdru Rossiyskoyi Federatsiyeyi i Sotsialisticheskoyi Respublikoyi Vietnam* [Declaration on Strategic Partnership between

- the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam]. February 28, 2001. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/3283> (accessed 25.10.2018). (In Russ.)
5. *Dinamika trgovli Rossii s Vietnamom v 2010—2017 godah* [Russia-Vietnam Trade Dynamics, 2010—2017]. March 14, 2018. Available at: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-03/dinamika-torgovli-rossii-s-vetnamom-v-2010-2017-godah/> (accessed 25.10.2018). (In Russ.)
 6. Zheglova Yu.G. Strategicheskoye partnerstvo kak format mezhgosudarstvennih otnosheniy [Strategic Partnership as a Format of International Relations]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ehkonomika, pravo*, 2014, vol. 7, no. 3, pp. 115—222. (In Russ.)
 7. Karaganov S.A. Ot povorota na Vostok k Bolshoyi Yievrasii [From the Turn to the East to the Greater Eurasia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2017, no. 5, pp. 6—18. (In Russ.)
 8. Luzianin S.G. *Rossiya — Kitay: formirovaniye obnovliennogo mira* [Russia-China: the Formation of a New World]. Ed. by acad. V.S. Myasnikov, foreword by V.A. Nikonov. Moscow, Viesi mir Publ., 2019, 328 p.
 9. “*Siloviye mashiny*” iz-za sanktsiyi stolknulis s problemami pri poluchenii \$100 mln za TES vo Vietnamie [Because of Sanctions, Power Machines Faced Problems Receiving \$100 Million for Power Station in Vietnam]. May 30, 2018. Available at: <https://www.interfax.ru/business/614980> (accessed 25.10.2018). (In Russ.)
 10. *Sovmestnoye zayavleniye ob ukrepleniye otnosheniyi vseobyemliushhego strategicheskogo partnerstva mezhdru Rossiyskoyi Federatsiyeyi i Sotsialisticheskoyi Respublikoyi Vietnam* [Joint Statement on Strengthening Relationship of Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam]. June 27, 2012. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/1279> (accessed 25.10.2018). (In Russ.)
 11. *Soglasheniye o svobodnoyi trgovle s Vietnamom* [The Agreement on Free Trade with Vietnam]. 2015. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Соглашения-о-свободной-торговле-с-третьими-странами.aspx> (accessed 25.10.2018). (In Russ.)
 12. Tsvetov A. *Pochemu vo Vietnamie ne budiet rossiyskoyi AES* [Why Won't There be the Russian Atomic Power Station in Vietnam]. Moscow Carnegie Center. April 11, 2017. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/68575> (accessed 25.10.2018). (In Russ.)
 13. Ferdinando L. *Mattis Calls U.S., Vietnam “Like-Minded Partners”*. January 25, 2018. Available at: <https://dod.defense.gov/News/Article/Article/1424401/> (accessed 25.10.2018). (In Eng.)
 14. Hiep L.H. The Belt and Road Initiative in Vietnam: Challenges and Prospects. *ISEAS Yusof Ishak Institute Perspective*. March 29, 2018, no. 18. Available at: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2018_18@50.pdf (accessed 25.10.2018). (In Eng.)
 15. *India-Vietnam Joint Statement during State visit of President of Vietnam to India*. March 03, 2018. Available at: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29535/> (accessed 25.10.2018). (In Eng.)
 16. Trump Donald J. *National Security Strategy of the United States of America*. December 18, 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 25.10.2018). (In Eng.)
 17. *UN Comtrade Database*. Available at: <https://comtrade.un.org/data/> (accessed 25.10.2018). (In Eng.)
 18. *US Aircraft Carrier Carl Vinson in Historic Vietnam Visit*. March 5, 2018. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-asia-43282558> (accessed 25.10.2018). (In Eng.)